

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

UDC 323.22

LBC 66.3(2Poc)

Submitted: 14.12.2021

Accepted: 19.01.2022

PROTEST ACTIVITY OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONALIZATION OF DIGITAL POLICY¹

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey D. Gavrilov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to identifying and interpreting the reasons and forms of protest activity of representatives of the youth cohort in the context of the institutionalization of modern digital society and digital policy. The common and specific features of the protest activity of Russian and foreign youth in the context of the content and level of their digital culture are characterized. The attention is focused on the dominant trends in the transformation of the practices of protest behavior in online and offline formats, taking into account the restrictive measures caused by the spread of COVID-19. *Methods.* The work was prepared within the framework of political science discourse using modern scientific theories and concepts. The authors rely on the main provisions of the activity-activist approach (A. Giddens, V. Yadov), the concept of “traumatic changes” (P. Sztompka) and “network society” (M. Castells). At the same time, the characterization of digital transformations and innovations (society, politics, culture) is carried out in the context of the ideas of “digital counterculture” (C. Gere), domestic researchers analyzing the consumer behavior of youth in the digital environment (T. Beregovskaya, S. Grishaeva). The work uses theoretical and empirical methods for analyzing the results obtained by leading domestic and foreign research centers, as well as with the direct participation of the authors in the implementation of grant activities. *Results.* An attempt is made to conduct political science analysis of the modern approaches to understanding the phenomenon of youth protest activity, its dominant forms in the context of the institutionalization of digital policy and the transformation of value orientations in the new structure of “digital culture”. The relationship between the protest activity of representatives of domestic and foreign youth, the practices of their destructive/constructive protest behavior using digital technologies in order to legitimize/delegitimize the political regime is traced. Highlighted the real and potential resources of the authorities and administration, civil society institutions to minimize destructive factors that contribute to the strengthening of protest (civil, political, etc.) activity of various groups of young people in the context of the spread of the global pandemic. The results of theoretical and empirical studies that reveal the regional specifics of institutional forms of protest activity in modern Russia are interpreted. *Discussion.* The question of the forms and technologies of transformation of protest activity, taking into account the substantive characteristics of the digital culture of youth, its inclusion in the system for ensuring the stable and safe development of the Russian Federation, remains poorly studied. *Authors' contributions.* S.A. Pankratov developed the theoretical basis of the research and carried out the general scientific edition of the article. S.I. Morozov analyzed the dominant tendencies of youth protest activity. S.D. Gavrilov interpreted the results of theoretical and empirical studies characterizing the process of institutionalization of digital policy.

Key words: youth, protest activity, digital policy, digital culture, destabilization, political behavior, legitimacy.

Citation. Pankratov S.A., Morozov S.I., Gavrilov S.D. Protest Activity of Modern Youth in the Context of Institutionalization of Digital Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 213-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ****Сергей Анатольевич Панкратов**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Дмитриевич Гаврилов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению и интерпретации причин и форм протестной активности представителей молодежной когорты в условиях институционализации современного цифрового общества и цифровой политики. Характеризуются общие и специфические черты протестной активности российской и зарубежной молодежи в контексте содержания и уровня их цифровой культуры. Авторы опираются на основные положения деятельностно-активистского подхода (Э. Гидденс, В.А. Ядов), концепции «травматических перемен» (П. Штомпка) и « сетевого общества» (М. Кастельс). При этом характеристика цифровых трансформаций и инноваций (общества, политики, культуры) осуществляется в контексте идей «цифровой контркультуры» (Ч. Гир). Предпринята попытка политологического анализа современных подходов к пониманию феномена протестной активности молодежи, ее доминирующих форм в условиях институционализации цифровой политики и трансформации ценностных ориентаций. Прослежена взаимосвязь между протестной активностью представителей отечественной и зарубежной молодежи, практиками их протестного поведения с использованием цифровых технологий с целью легитимации / делегитимации политического режима. Выделены реальные и потенциальные ресурсы органов власти и управления, институтов гражданского общества по минимизации деструктивных факторов, способствующих усилению протестной (гражданской, политической и др.) активности различных групп молодежи в контексте распространения глобальной пандемии. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретическую базу исследования и осуществил общее научное редактирование статьи. С.И. Морозов проанализировал доминирующие тенденции протестной активности молодежи. С.Д. Гаврилов интерпретировал результаты теоретических и эмпирических исследований, характеризующих процесс институционализации цифровой политики.

Ключевые слова: молодежь, протестная активность, цифровая политика, цифровая культура, дестабилизация, политическое поведение, легитимность.

Цитирование. Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 213–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

Введение. Одной из определяющих характеристик представителей современной молодежной когорты выступает активная жизнедеятельность в пространстве высоких технологий. Если 65 % россиян среднего и старшего возраста пользуются Интернетом в той или иной степени ежедневно, то молодежная аудитория включает 98 %, при том что в социальных сетях значительная часть молодежи, по опросам социологов, проводит более пяти часов, а четверть

«поколения Z» проверяет обновление каждые тридцать минут [12].

Глобальная онлайн-коммуникация не только претендует на статус инновационной технологии, во многих случаях определяющую доминирующие черты образа и стиля жизни «нового поколения», но и формирует киберпространство информационного противоборства социально-экономических, идентификационных, политических и других предпочтений и ориентаций [4]. При этом институцио-

нализируются ранее незнакомые акторы влияния – геймеры, видеоблогеры, киберспортсмены и т. д. (так называемые «звезды» Интернета), способные к постоянному и регулярному взаимодействию с молодежной аудиторией.

Цифровые технологии стали широко использоваться в качестве мобилизационного ресурса (в первую очередь среди молодежи) для организации и проведения протестных (а нередко дестабилизирующих) акций как в отдельных государствах, так и на региональных, международных площадках [5; 19; 25]. Подтверждением данного факта выступают практики организации протестов в странах Европейского союза против ограничительных мер, вводимых правительствами и направленных на минимизацию последствий распространения COVID-19; протестные события в Белоруссии, связанные с неоднозначным восприятием результатов выборов Президента республики; попытки государственных переворотов в Венесуэле, Кубе и др. [8; 27; 28; 33].

Внедрение цифровых технологий в различные сферы и уровни современной жизни (приватно-бытовую, политическую, экономическую, духовно-идеологическую, межгосударственную и др.) и возникающие в связи с этим реальные и потенциальные угрозы и риски поставили вопрос о необходимости разработки этических и правовых принципов формулирования и реализации цифровой (национальной / глобальной) политики. Признавая право каждого государства на самостоятельное регулирование коммуникационного взаимодействия в «киберсфере», как заявил в своем выступлении на заседании Совета безопасности РФ В.В. Путин, «важно сообща разработать и согласовать универсальные и справедливые для всех правила ответственного поведения государств в информационном пространстве с четкими и внятыми критериями допустимых и недопустимых действий и придать им юридически обязательный характер» [22].

Таким образом, в рамках политической науки актуализировалась потребность в осмыслении протестной активности молодежи, с одной стороны, в контексте формирования ее цифровой культуры, а, с другой стороны, тенденций институционализации цифровой по-

литики на национальном и межгосударственном уровнях.

Методы и материалы. В современном научном дискурсе продолжается дискуссия о сущности и базовых характеристиках цифровой культуры и цифровой политики. Авторы статьи в своем анализе цифровых трансформаций современного социума опираются на концепцию «цифровой контркультуры» Ч. Гира, в основе которой лежат принципы неомарксизма и постиндустриального (информационного) общества [10, с. 197]. Как подчеркивает Ч. Гир, «хотя интерактивные технологии родились в лабораториях “холодной войны”, способность воспринимать их как мирные и прогрессивные силы выношена в лоне контркультуры и авангардного мировоззрения с его идеями интермедиа, мультимедиа и перформанса» [7, с. 58].

При этом авторы методологически солидаризированы с позицией М. Кастельса, совершенно справедливо отмечающего, что в настоящее время именно Интернет «выступает базовой структурой гражданского общества, а социальные сети становятся драйвером социально-политических изменений в мире» [9, с. 14]. Интернет фактически занял позицию актора-посредника между индивидом – институтами государства и гражданского общества [34].

Важным аспектом при анализе специфических черт отечественной молодежи послужили выводы теоретических и эмпирических исследований отечественных ученых Т.А. Береговской и С.А. Гришаевой, анализирующих потребительское (акцент на экономическом) поведение молодежи в цифровой среде, вполне применимые и при политологическом анализе. Они исходят из того, что представители поколения современной молодежи «являются первыми, кто на 100 % “вырос в Интернете”, и их технологическое познание не имеет равных... Поколение Z в 2–3 раза чаще подвержено влиянию сетей, чем воздействию рекламных объявлений... Они ценят социальные медиа и то, что делают другие... Основная черта поколения Z – постоянное “общение” со смартфоном, который становится главным средством доступа в Интернет...» [1, с. 95].

В рамках данной статьи авторы анализируют феномены протеста и протестной ак-

тивности через основные положения деятельностно-активистского подхода в интерпретации Э. Гидденса, В.А. Ядова, акцентировавших внимание на том, что исторический процесс не имеет детерминированно-заданных векторов развития, а значительную роль играют деятельные субъекты [30]. При этом основой активности индивидуальных или коллективных субъектов выступает удовлетворение / неудовлетворение потребностей / интересов, являясь одним из показателей социально-психологической и институциональной напряженности. Важнейшей чертой изменений является наличие субъектов / агентов, «обладающих достаточным рефлексивным знанием для того, чтобы изменить свое положение в мире» [24, с. 39].

Характеристика практик протеста в современном мире осуществляется с использованием концепции травматических перемен П. Штомпки, «расширяющей деятельностно-активистскую теорию» [29]. Вместе с тем она позволяет операционализировать ценностные, культурные «травмы» поиска и борьбы за «демократические стандарты», с нашей точки зрения, во многом определяющие протестную активность «цифровой молодежи».

В статье использованы результаты эмпирических исследований, проведенных ведущими научными центрами, а также непосредственно авторами статьи в рамках реализации грантового проекта.

Анализ. Исследованием протеста как специфической формы социального взаимодействия занимаются представители различных гуманитарных и общественных наук: философии (формы поведения личности или группы, противопоставляющих себя социальной системе отношений); социологии (формы проявления социального недовольства); истории (в интерпретации смены социальных и политических систем) и др. В рамках политической науки, с нашей точки зрения, целесообразно понимать протест, как чаще всего публичное действие, «приводящее к конфликтной ситуации актора как представителя определенной социальной группы, интересы и ценности которой противоположны системе координат, в которой происходит действие» [18, с. 123].

Наибольший исследовательский интерес к протестной активности представителей мо-

лодежи проявился, по нашему мнению, первый раз в 60-е гг. XX в., что было обусловлено студенческими протестными «волнениями», институционализацией студенческих протестных движений, попытавшихся заявить о противоречиях и насущных проблемах «всего западного мира». Г. Маркузе отмечал, что именно представители молодежи вследствие восприимчивости и радикальности больше всего подходят под характеристики свободной и многомерной личности, способной на Великий Отказ (протест в самом широком смысле и масштабе). «Великий Отказ... обращен к личности, способной осознать свои ложные потребности, привитые репрессивной цивилизацией, и задуматься о степени мнимости и реальности своей свободы в современном мире» [15, с. 522].

Вторая «волна» возрастания количества научных исследований протестной активности молодежи приходится на период вступления в относительно самостоятельную жизненную фазу поколения Z (родившихся примерно с 1997 по 2012 г. и характеризующихся как «цифровой человек» и «цифровой гражданин» [26]). «Простота и скорость поиска единомышленников, с одной стороны, мобилизационные возможности Интернета и мобильных технологий – с другой, способствуют масштабному переносу гражданских и политических практик в онлайн-пространство, что позволяет наделять представителей цифрового поколения чертами “цифровых бунтарей”, выражающих свою политическую субъектность и возросший потенциал влияния на площадях городов по всему миру» [2, с. 7].

В этой связи следует акцентировать внимание, что в методологическом плане важнейшими характеристиками протестной активности выступают частота и осознанность участия в протестных акциях, их масштаб и тип, включенность в деятельность по вовлечению новых лиц, способность и готовность нести ответственность за совершаемые действия. При этом для идентификации «бунтарей» цифрового поколения значимыми индикаторами выступают характер и векторы поведения в онлайн-пространстве, содержание и направленность потребляемого и воспроизводимого интернет-контента, количественное доминирование онлайн-коммуникаций над оф-

лайн, что определяется ценностными убеждениями и личностными установками.

Как показывают результаты зарубежных и отечественных эмпирических исследований, чаще всего молодые онлайн-пользователи используют технологии Интернета: для обсуждения актуальной политической проблематики со сверстниками и в соответствующих сообществах; знакомства с ресурсами оппозиционных действующему режиму организаций и лидеров (политических партий, общественно-политических движений и т. д.); поиска информации на официальных порталах государственных и муниципальных органов власти [32]. Деятельностная составляющая протестной активности представителей поколения Z представлена гораздо скромнее, хотя наиболее активные молодые люди вовлечены в процессы: ведения блогов по различным социально-политическим аспектам жизнедеятельности; поиска и кооптирования «соратников» и единомышленников; созидательного увеличения ресурсной базы (материальной и организационной) [35].

Следовательно, несмотря на страновые особенности степени распространения, внедрения и использования цифровых технологий, характер ценностных приоритетов пользователей, интернет-пространство доминирующим образом выступает в качестве информационного и мобилизационного (координирующего) ресурса протестных настроений и акций. Наиболее распространенной практикой протестов является попытка сочетания возможностей онлайн-мобилизации сторонников с проведением самих акций в офлайн-формате. С одной стороны, это позволяет привлечь потенциальных единомышленников по протестному движению, с другой стороны, ограничивает численность реально проявляющих протестную активность молодежь, институционализируя протестное «ядро» целенаправленно и регулярно участвующих в акциях.

Векторы протестной активности молодежи имеют достаточно устойчивую направленность, определяемую как национальными, так и глобальными трендами. Ниже будут приведены несколько примеров, характеризующих наиболее типичные «кейсы» сочетания онлайн-мобилизации и офлайн-реализации протестов, где именно представители молодого

поколения выступили в роли основных организаторов и движущей силы.

В ноябре 2021 г. в 70 городах Польши прошли акции протеста против действующих законодательных норм, жестко регулирующих рамки прерывания беременности. Масштабные протесты были вызваны смертью в лечебном учреждении тридцатилетней женщины Изабеллы вследствие септического шока, спровоцированного выжидательной позицией медиков. Как отмечают эксперты, законодательство Польши является в этом вопросе одним из самых строгих на европейском континенте. Конституционный суд страны признал незаконным прерывание беременности даже при высокой вероятности пороков развития плода. Информационный сервис Medonet приводит мнение врачей-гинекологов, отмечающих, что «тяжело принимать адекватные меры для спасения пациенток под угрозой 25 лет тюрьмы». Активное протестное противостояние сторонников разрешения аборт и власти, поддерживаемой католической церковью, длится около 20 лет. При этом самой масштабной забастовкой в 114 городах, с участие более 98 000 поляков, получившей название «Черный понедельник», явилась акция против принятия парламентом в 2016 г. поправки, нацеленных на полный запрет абортов. Организаторы этой акции настроены на проведение мероприятий, целенаправленно повышающих уровень протестной активности полячек и в первую очередь представителей молодежи [23].

В феврале 2021 г. испанской полицией был арестован рэпер Пабло Асель (настоящее имя Пабло Ривадулья Дура), что вызвало многочисленную серию протестных акций молодежи в каталонских городах. Мирные манифестации с требованием освобождения «кумира» практически всегда и везде очень быстро перерастали в столкновения с полицией, с применением силы как со стороны протестующих (нападение на полицейские участки, забрасывание стражей порядка камнями, бутылками, поджоги мусорных контейнеров и др.), так и правоохранительных органов (применение слезоточивого газа, резиновых пуль, избиение дубинками и т. д.). В своей музыкальной карьере (песнях) с 2005 г., в «Твиттере» Асель использовал политическую тема-

тику, идеи каталонского национализма, выражаясь негативно об испанской монархии, сравнивая ее с мафией, характеризуя испанское государство как фашистское. «Самая отвратительная вещь в монархии – это то, что миллионеры из-за бедствий других делают вид, что заботятся о людях». При этом он призвал испанцев участвовать в протестных акциях против расизма, пыток задержанных. «Демонстрации необходимы, но этого недостаточно, давайте поддержим тех, кто пошел дальше». Несмотря на то что в поддержку рэпера выступили многие популярные и известные деятели культуры Испании, а власти заявили о возможности пересмотра наказания за преступления, связанные со свободой слова, суд отказался от «всяких поблажек» [14].

Массовые акции протеста прошли летом 2021 г. во Франции против внедрения санитарных пропусков и введения «санитарной диктатуры», связанных с мерами по противодействию распространению COVID-19. Только в Париже приняло участие в протестных манифестациях более 11 000 человек, а по всей стране – свыше 170 000 французов. Протестующие бросали в полицию бутылки, металлические предметы, возводили баррикады, на что стражи порядка ответили применением слезоточивого газа, водометов, дубинок. На фоне протестов в Национальном собрании 199 сенаторов высказались за, 123 – против проекта закона о санитарных пропусках и обязательной вакцинации. Однако в Сенате, где большинство депутатов представляют оппозицию, законопроект претерпел существенные изменения в сторону смягчения многих положений [21].

Под лозунгом «Да здравствует демократия, долой ковид-диктатуру!» прошли массовые протесты в Германии, самые многочисленные в Берлине, где было только задержано полицией в конце июля 2021 г. около 600 человек. Идейным вдохновителем и организатором протестных акций выступило движение «Нестандартное мышление», финансируемое бизнесменом из Штутгарта М. Бальвег. «Ковид-диссиденты» принципиально отказывались надевать маски и соблюдать дистанцию, что спровоцировало применение полицией водометов, перцового спрея не только против непосредственных участников, но и многоты-

сячных «зевак» и сочувствующих. По словам представителя полиции Т. Каблицц, «операция сводилась к тому, чтобы свести к минимуму риски заражения и разогнать демонстрацию. В отдельных случаях нам приходилось применять физическое насилие» [13].

«Демократия – это не анархия», – заявила в экстренном обращении Президент Литвы Гитанаса Науседа по поводу подавление властями акции протеста перед парламентом в Вильнюсе против решения ввести паспорта возможностей, значительно ограничивающих права невакцинированных от коронавируса граждан. При этом ответа на вопрос официального представителя МИД России М. Захаровой не последовало: «Куда девается вся эта демократическая отдушка и либеральный флер у западных партнеров и их сателлитов, когда дело доходит до управления внутренней ситуацией и подавления протестов у себя дома?». Ведь еще недавно Президент Литвы яростно обвиняла российскую власть за «неправомерную» жестокость полиции в отношении участников несанкционированных митингов в Москве и других регионах РФ [11].

Наиболее явно онлайн-поведение определенной части российской молодежи проявилось в преддверии и во время митингов 23 января и 21 апреля 2021 года. Подготовка к январской протестной акции происходила стремительно (менее чем за одну неделю) и была связана с фактом ареста в аэропорту Москвы известного оппозиционного блогера А. Навального. Это обстоятельство во многом определило формы и технологии мобилизационной активности поколения Z и оппозиционных лидеров – сторонников блогера. В первую очередь упор был сделан на размещение большого количества видеороликов, доминирующее содержание которых можно разделить на две группы: выступления лидеров молодежного общественного мнения в поддержку А. Навального; критика действующего режима и олицетворяющего его политиков (например, про дворец в Геленджике, давление власти на активистов и желающих принять участие в митинге и др.).

Значительная часть материалов была размещена на доступных для пользователей YouTube-канале «Штаб» и YouTube-аккаунте телеканала «Дождь»², Telegram. Именно в этот

период наблюдалась существенная политизация TikTok с самой активной частью подростковой аудитории. В протестных акциях января – февраля 2021 г. использовались так называемые «развлекательные» технологии: челленджи, флешмобы, прогулки, TikTok-тренды.

Подготовка акций протеста в апреле 2021 г. проводилась достаточно длительное время и планомерно [31]. С 23 марта лица, намеревающиеся принять участие в протестах, могли зарегистрироваться с указанием геотэга на сайте акции. Фактически при мобилизации протестной активности молодежной интернет-аудитории была использована технология «климата мнений», заключающаяся в открытой демонстрации своей позиции и учета мнения «иных» при принятии окончательного решения о форме и стиле протестного поведения. При этом тематически новостная повестка протестов опиралась на распространение информации об ухудшающемся состоянии здоровья А. Навального, необходимости допуска к нему гражданских врачей, а также стремления властей объявить возглавляемую оппозиционером организацию экстремистской. Примечательно, что если зимой в интернет-пространстве активно звучали прямые призывы к участию в протестах от самого А. Навального и его ближайших сподвижников, то весной акцент был сделан на обсуждение предстоящего события и его значимости в отечественном политическом процессе [16].

В ноябре – декабре 2021 г. Левада-Центр³ провел исследования протестных настроений россиян. Результаты показали, что количество российских граждан, ожидающих проведения протестных акций с экономическими требованиями, увеличилось до 30 % (против 21 % в августе 2021 г.), в то время как число лиц, готовых принять участие в экономических протестах, сократилось до 21 % (против 24 % в августе 2021 г.). Около 27 % россиян считают возможными протесты с политическими требованиями (сопоставимы с августом 2021 г.), при том, что с 19 до 17 % сократилось количество желающих принять участие в акциях протеста непосредственно. Против QR-кодов в акциях протеста готовы принять участие 25 % опрошенных, а 72 % не считают это приемлемым. При том что боль-

ше половины респондентов не поддерживает обязательность вакцинации от COVID-19, три четверти россиян отрицательно относятся к введению QR-кодов на общественном транспорте и 67 % – при посещении массовых мероприятий, общественных мест [20].

Масштабные эмпирические исследования протестной активности населения были проведены ВЦИОМ в конце 2011 – в первой половине 2012 г. и нашли отражение в материале «Протестное движение в России – взгляд социологов». Характеризуя обобщенный «портрет» участников протестных акций, отмечается, что значительная доля демонстрантов принадлежит к так называемому «креативному классу», а также офисным работникам и студенческой молодежи. Доминирующей мотивационной составляющей участия в протестах выступает потребность в самореализации. Вместе с тем значительное количество участвовавших в опросах отметили в качестве мотивов: «не устраивает ситуация в стране», «недовольство собственной жизнью». Руководитель ВЦИОМ В. Федоров подчеркнул, что 84 % респондентов принимали участие в протестных акциях неоднократно и лишь 16 % впервые. Абсолютное большинство участников данных протестов ни при каких условиях не будут вести переговоры с властными структурами и лишь 21 % готовы вступить в диалог с властью при условии изменения политического курса развития страны [17].

Результаты. Всплеск молодежных протестов происходит относительно регулярно и неоднократно. Представители молодежных когорт пытаются направить свою активность на искоренение «всех» недостатков и несправедливостей, присущих миру, в который они вступили, самым радикальным образом. При этом протестные движения отличаются разным уровнем конструктивности / деструктивности, согласованностью действий и готовностью идти на компромиссы.

Одной из отличительных черт современного протестного движения выступает обостренная реакция на межкультурный и межцивилизационный глобализм (проблемы миграции, трансформации культурного уклада в региональном и «местном» пространстве, дискомфорт в образе и стиле жизни, дискриминационная поляризация, в том числе на быто-

вом уровне, и т. д.), что способствует проявлению и воспроизводству экстремистских идей. Не следует недооценивать опасность и угрозы целенаправленных действий определенных международных кругов на сближение (слияние) деструктивных протестных настроений «левого, правого, националистического, религиозного» флангов.

Развитие цифровых технологий, их включенность в повседневные, в том числе политические практики, оказывает значительное влияние на протестную активность представителей молодежи в разных странах мира. Результаты теоретических и эмпирических исследований позволяют прийти к следующим выводам:

– на уровень и характер протестной активности молодежи влияет способность рефлексивного (критического) «потребления» политического контента из многочисленных информационных источников, содержащихся в интернет-пространстве. Целесообразно говорить о формировании навыков и компетенций медиаграмотности, базирующихся на безусловном праве получать достоверную информацию и возможности ее проверять. При этом медиаграмотность выступает лишь одним из структурных элементов современной цифровой культуры личности и общества [3];

– лидеры протестных движений активно используют технологии сетевой политической мобилизации через расширение онлайн-поддержки при помощи политизации информационных каналов. При этом цифровые технологии выступают в качестве интегрирующих факторов с расширяющимися манипулятивными возможностями и ресурсами оказания влияния на сознание и поведение молодежи;

– объективируется тенденция целенаправленного влияния онлайн-медиа на протестную активность молодежи, формирование протестной «повестки дня», где «профессиональное» освоение цифровыми ресурсами и глубина «включенности» в интернет-пространство выступают значимыми статусно-ролевыми индикаторами жизненного успеха представителей новой поколенческой когорты;

– цифровые технологии, с одной стороны, позволяют демонстративно персонализировать свои политические ценности и популяризировать одобряемые практики политичес-

кого поведения в онлайн- и офлайн-пространствах, с другой стороны, провоцируют глобальное «обезличивание» акторов протестного контента, используя несовершенство национального и международного законодательства по распространению экстремистских взглядов и призывов к действию в молодежной (подростковой и детской) среде;

– протестный потенциал представителей поколения Z в настоящее время не может быть квалифицирован как более высокий по сравнению с предшественниками, хотя и подпитывается мобилизационными ресурсами цифровых технологий и социальных медиа, не имевших место ранее. Вместе с тем переориентация приоритетов в реализации жизненных стратегий нынешней молодежи с «будущего» в «настоящее» влияет на обострение «конflikта» поколений, в том числе в иерархии ценностей свободы, равенства, стабильности, безопасности, прав человека и т. д.;

– институционализация цифровых взаимодействий между гражданами, гражданами и социальными группами (в том числе сетевыми сообществами), гражданами, общностями и институтами государства позволяет в значительной степени «маскировать» координирующий центр по формированию и воспроизводству протестных настроений и поведения в онлайн- и офлайн-пространствах. Не отрицая возросшие возможности (цифровые) самоорганизации индивидов и групп, тем не менее налицо использование в качестве властно-политического ресурса технологий «управляемого хаоса», имитирующих спонтанные выступления населения, особенно молодежи, как наиболее мобильной и импульсивной части социума [6].

С нашей точки зрения, следует воспринять как объективную данность желание молодежи быть вовлеченными в решение как глобальных, так и национальных проблем, а также мотивационную позитивность их протестных настроений и активности в целом. Важнейшим шагом к минимизации воспроизводства протестной активности среди молодежи может выступить способность воспринимать иное мнение, идти на компромиссы, обладать эффективной мониторинговой системой по прогнозированию «точек» социально-политических напряженностей и конфлик-

тов, нацеленность институтов власти на постоянный молодежный запрос на перемены, в том числе в политико-правовой организации общества и государства. Реальное, а не показное функционирование социальных лифтов, связанных с молодежными проектами самовыражения и самореализации в любой сфере жизнедеятельности социума, включая властно-управленческую.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31705 «Протестная активность современной российской молодежи в условиях институционализации глобальной цифровой политики».

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31705 “Protest activity of modern Russian youth in the context of the institutionalization of global digital politics”.

² Средство массовой информации, признанное иностранным агентом в Российской Федерации.

³ Организация, включенная в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская, Т. А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой среде / Т. А. Береговская, С. А. Гришаева // Вестник университета. – 2020. – № 1. – С. 92–99.

2. Бродовская, Е. В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–18.

3. Быков, И. А. Значение медиаграмотности для политической коммуникации в России / И. А. Быков, М. В. Медведева // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, вып. 4. – С. 7–22.

4. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков – М. : Изд-во Моск. ун-та : Проспект, 2015. – 272 с.

5. Гаецкулов, Н. Г. Политический протест в цифровую эпоху: основные способы самоорганизации граждан / Н. Г. Гаецкулов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 7. – С. 27–30.

6. Гарбузняк, А. Ю. Онлайн-поведение пользователей новых медиа в преддверии массовых уличных протестов в России в январе и апреле

2021 года / А. Ю. Гарбузняк // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, вып. 4. – С. 37–45.

7. Гир, Ч. Цифровая контркультура / Ч. Гир // Гуманитарная информатика. – 2004. – № 1. – С. 50–71.

8. Грибовод, Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс : дис. ... канд. полит. наук / Грибовод Екатерина Григорьевна. – Екатеринбург, 2017. – 189 с.

9. Дринова, Е. М. Постинформационная эпоха: молодежные протесты в контексте глобальной цифровой культуры / Е. М. Дринова, С. И. Морозов, С. А. Панкратов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 9. – С. 13–17. – DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2021.9.1>.

10. Елькина, Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практика / Е. Е. Елькина // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – Вып. 2. – С. 195–203.

11. Ермолаева, Н. Маски сорваны / Н. Ермолаева // Российская газета. – 2021. – 12 авг.

12. Журенков, К. Люди Z / К. Журенков // Огонек. – 2017. – 16 окт. – С. 4.

13. Забродина, Е. Лечат кулаком / Е. Забродина // Российская газета. – 2021. – 3 авг.

14. Когалов, Ю. Все могут короли / Ю. Когалов // Российская газета. – 2021. – 19 февр.

15. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. – М. : АСТ, 2003. – 526 с.

16. Морозов, И. Л. Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции – опыт зарубежных стран и угроза для России / И. Л. Морозов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 3 (92). – С. 12–16.

17. Новиков, К. Портрет демонстранта / К. Новиков // Российская газета. – 2012. – 28 июня.

18. Панкратов, С. А. Тенденции и основные направления организации протестной активности в современном обществе / С. А. Панкратов, О. Ю. Гаранин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1 (13). – С. 123–125.

19. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков, И. В. Козлова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 12–35.

20. Пресс-выпуск Левада-Центра Протестные настроения от 10.12.2021. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/12/10/protestnye-nastroeniya-3/?utm_source=

mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (дата обращения: 12.12.2021). – Загл. с экрана.

21. Прокофьев, В. Французы бунтуют / В. Прокофьев // Российская газета. – 2021. – 26 июля.

22. Путин, В. В. Выступление на заседании Совета Безопасности 26.03.2021 г. / В. В. Путин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

23. Рокоссовская, А. Дело тела. Поляки вышли на улицы после смерти беременной женщины / А. Рокоссовская // Российская газета. – 2021. – 10 нояб.

24. Ситнова, И. В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» / И. В. Ситнова // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 37–42.

25. Титов, В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z / В. В. Титов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 139–158.

26. Фалалеев, М. А. Цифровой гражданин: феномен и основные подходы к определению / М. А. Фалалеев, Н. А. Ситдикова, Е. Е. Нечай // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 1. – С. 27–30.

27. Шестаков, Е. Медийный переворот / Е. Шестаков // Российская газета. – 2019. – 28 янв. – С. 1, 6.

28. Шестаков, Е. Обычный переворот. Как это делается / Е. Шестаков // Российская газета. – 2019. – 25 янв. – С. 1, 8.

29. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 6–17.

30. Ядов, В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? / В. А. Ядов // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 20–23.

31. Anderson, A. “Networked” Revolutions? ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes / A. Anderson // Political Research Quarterly. – 2021. – № 74 (4). – P. 1037–1051. – DOI: 10.1177/1065912920958071.

32. Beissinger, M. R. “Conventional” and “Virtual” Civil Societies in Autocratic Regimes / M. R. Beissinger // Comparative Politics. – 2017. – № 49 (3). – P. 351–371. – DOI: 10.5129/001041517820934267.

33. Breuer, A. Social media and protest mobilization: evidence from the Tunisian revolution / A. Breuer // Democratization. – 2015. – № 22 (4). – P. 764–792. – DOI: 10.1080/13510347.2014.885505.

34. Castells, M. Communication power / M. Castells. – Oxford; N. Y., 2009. – 571 p.

35. Enikolopov, R. Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia / R. Enikolopov,

A. Makarin, M. Petrova // *Econometrica*. – 2020. – № 88 (4). – P. 1479–1514. – DOI: 10.3982/ECTA14281.

REFERENCES

1. Beregovskaia T.A., Grishaeva S.A. Pokolenie Z: potrebitelskoe povedenie v tsifrovoi srede [Generation Z: Consumer Behavior in the Digital Environment]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2020, no. 1, pp. 92-99.

2. Brodovskaia E.V., Khuang T. Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaia mobilizatsiia i politicheskii protest rossiiskoi molodezhi [Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 5, pp. 3-18.

3. Bykov I.A., Medvedeva M.V. Znachenie mediagramotnosti dlia politicheskoi kommunikatsii v Rossii [The Importance of Media Literacy for Political Communication in Russia]. *Zhurnal politicheskikh issledovani* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 7-22.

4. Volodenkov S.V. *Internet-kommunikatsii v globalnom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniia* [Internet Communications in the Global Space of Modern Political Management]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, Prospekt Publ., 2015. 272 p.

5. Gaetkulov N.G. Politicheskii protest v tsifrovuiu epokhu: osnovnye sposoby samoorganizatsii grazhdan [Political Protest in the Digital Age: The Main Ways of Self-Organization of Citizens]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 7, pp. 27-30.

6. Garbuzniak A.Iu. Onlain-povedenie polzovatelei novykh media v preddverii massovykh ulichnykh protestov v Rossii v ianvare i aprele 2021 goda [Online Behavior of New Media Users on the Eve of Massive Street Protests in Russia in January and April 2021]. *Zhurnal politicheskikh issledovani* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 37-45.

7. Gir Ch. Tsifrovaia kontrkultura [Digital Counterculture]. *Gumanitarnaia informatika* [Humanitarian Informatics], 2004, no. 1, pp. 50-71.

8. Gribovod E.G. *Mediatizatsiia politiki kak institutsionalno-kommunikativnyi protsess i informatsionno-strategicheskii resurs: dis. ... kand. polit. nauk* [Mediatization of Politics As an Institutional-Communicative Process and an Information-Strategic Resource. Cand. polit. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2017. 189 p.

9. Drinova E.M., Morozov S.I., Pankratov S.A. Postinformatsionnaia epokha: molodezhnye protesty

v kontekste globalnoi tsifrovoi kultury [Postinformational Era: Youth Protests in the Context of Global Digital Culture]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 9, pp. 13-17. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2021.9.1>.

10. Elkina E.E. Tsifrovaia kultura: poniatie, modeli i praktika [Digital Culture: Concept, Models and Practice]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kultura i tekhnologii budushchego* [Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future], 2018, iss. 2, pp. 195-203.

11. Ermolaeva N. Maski sorvany [Masks are Torn Off]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, August 12.

12. Zhurenkov K. Liudi Z [People Z]. *Ogonek*, 2017, October 16, p. 4.

13. Zabrodina E. Lechat kulakom. [Treating with a Fist]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, August 3.

14. Kogalov Iu. Vse mogu koroli [Kings Can Do Anything]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, February 19.

15. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiia. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p.

16. Morozov I.L. Ulichnyi protest kak tekhnologiia antigosudarstvennykh deistvii radikalnoi oppozitsii – opyt zarubezhnykh stran i ugroza dlia Rossii [Street Protest As a Technology of Anti-State Actions of the Radical Opposition – The Experience of Foreign Countries and the Threat to Russia]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 3 (92), pp. 12-16.

17. Novikov K. Portret demonstranta [Portrait of a Demonstrator]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, June 28.

18. Pankratov S.A., Garanin O.Iu. Tendentsii i osnovnye napravleniia organizatsii protestnoi aktivnosti v sovremennom obshchestve [Trends and Main Directions of Organizing Protest Activity in Modern Society]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2008, no. 1 (13), pp. 123-125.

19. Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V. «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v Internetе [“Reassembling a Meeting”: Internet in Protest and Protest on the Internet]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 1, pp. 12-35.

20. *Press-vypusk Levada-Tsentra Protestnye nastroiia ot 10.12.2021* [Press Release of the Levada Center Protest Moods of December 10, 2021].

URL: https://www.levada.ru/2021/12/10/protestnyenastroeniya-3/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (accessed 12 December 2021).

21. Prokofev V. Frantsuzy buntuyut [The French are Rebellng]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, July 26.

22. Putin V.V. *Vystuplenie na zasedanii Soveta Bezopasnosti 26.03.2021 g.* [Vladimir Putin. Speech at a Meeting of the Security Council on March 26, 2021]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (accessed 12 April 2021).

23. Rokossovskaiia A. Delo tela. Poliaki vyshli na ulitsy posle smerti beremnoi zhenshchiny [The Case of the Body. Poles Took to the Streets After the Death of a Pregnant Woman]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, November 10.

24. Sitnova I.V. Aktivistsko-deiatelnostnaia metodologiia v modelirovanii protessa «institutsionalnykh izmenenii» [Activist-Activity Methodology in Modeling the Process of “Institutional Changes”]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2012, no. 7, pp. 37-42.

25. Titov V.V. Strategii sotsialnogo protesta molodezhi v Runete: sravnitelnyi analiz pokolenii Y i Z [Strategies of Social Protest of Youth in Runet: A Comparative Analysis of Generations Y and Z]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 3, pp. 139-158.

26. Falaleev M.A., Sitdikova N.A., Nechai E.E. Tsifrovoi grazhdanin: fenomen i osnovnye podkhody k opredeleniiu [Digital Citizen: Phenomenon and Main Approaches to Definition]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 1, pp. 27-30.

27. Shestakov E. Mediinyi perevorot [Media Coup]. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, January 28, pp. 1, 6.

28. Shestakov E. Obychnyi perevorot. Kak eto delaetsia [The Usual Coup. How It’s Done]. *Rossiiskaia gazeta*, 2019, January 25, pp. 1, 8.

29. Shtompka P. Sotsialnye izmeneniia kak trauma [Social Changes As Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2001, no. 2, pp. 6-17.

30. Iadov V.A. Kakie teoreticheskie podkhody polezny dlia ponimaniia i obieiasneniia sotsialnykh realii rossiiskogo obshchestva i Rossii? [What Theoretical Approaches are Useful for Understanding and Explaining the Social Realities of Russian Society and Russia?]. *Rossiiia reformiruiushchiasia: ezhegodnik* [Reforming Russia. Yearbook]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2010, iss. 9, pp. 20-23.

31. Anderson A. “Networked” Revolutions? ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes.

Political Research Quarterly, 2021, no. 74 (4), pp. 1037-1051. DOI: 10.1177/1065912920958071.

32. Beissinger M.R. "Conventional" and "Virtual" Civil Societies in Autocratic Regimes. *Comparative Politics*, 2017, no. 49 (3), pp. 351-371. DOI: 10.5129/001041517820934267.

33. Breuer A., Landman T., Farquhar D. Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the

Tunisian Revolution. *Democratization*, 2015, no. 22 (4), pp. 764-792. DOI: 10.1080/13510347.2014.885505.

34. Castells M. *Communication Power*. Oxford, New York, s. n., 2009. 571 p.

35. Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia. *Econometrica*, 2020, no. 88 (4), pp. 1479-1514. DOI: 10.3982/ECTA14281.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Sergey D. Gavrilov, Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Сергей Дмитриевич Гаврилов, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>